

The background of the cover is a photograph of a serene landscape. In the foreground, a calm lake reflects the sky and the surrounding trees. A small island with a few trees is visible in the middle of the lake. In the background, a house with a grey roof and white columns is partially visible on the left side, surrounded by a dense forest of trees in various shades of autumn, including yellows, oranges, and greens. The sky is a mix of soft pinks, oranges, and blues, suggesting a sunrise or sunset. The overall mood is peaceful and atmospheric.

ХРОНИКИ ЧАСТНОГО СЫСКА

АНДРЕЙ КУЦ

Андрей Куц

Хроники частного сыска

«Издательские решения»

Куц А.

Хроники частного сыска / А. Куц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859207-2

Огромные силы были задействованы в поисках пропавшего молодого человека. Кто только не брался за его дело, казавшееся лёгким. Но все скоро приходили к тому, что этот юноша не так-то прост. Более того, он чрезвычайно опасен, потому что, ища его, узнавали они о других пропавших людях, число которых росло с каждым днём. И сами сыщики всё отчётливее понимали, что в любой момент могут пополнить ряды тех, кто ушёл в неизвестном направлении и до сих пор не вернулся.

ISBN 978-5-44-859207-2

© Куц А.

© Издательские решения

Содержание

Хроники частного сыска	6
Присказка	6
Сказка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Хроники частного сыска

Андрей Куц

© Андрей Куц, 2017

ISBN 978-5-4485-9207-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хроники частного сыска

Присказка

Он стоял у окна и смотрел на дождь в большом городе.

Мегаполис шумел, гудел, звенел, выл и скрежетал. Всё двигалось, шевелилось, меняло блеклый окрас и размытую форму.

Дождь лил вторые сутки.

Небо было серым.

Город стал серым.

По стеклу плыли разводы – и на него смотрело чьё-то хорошо знакомое, но безобразно искажённое лицо.

«Это я», – с безразличием подумал мужчина.

Он вздохнул, заложил руки за спину.

Дождь лил. И хотя шум улиц не проникал в офис здания, ему казалось, что он всё слышит, и чувствует трепещущий, вибрирующий нерв жизни города.

Когда-то он любил осень.

Когда-то он был юн.

Когда-то он был беспечен.

Теперь же от прихода осени в нём не пробуждалось ничего, кроме тоскливой удручённости. Не радовала свежесть и прозрачность воздуха, пестрота листвы, тёплое, но неяркое солнце, густеющая день ото дня синь неба. Звонкий шелест опавшей листвы под ногами и шелест луж, которые рвутся шинами, катящихся мимо машин, утренний бодрящий холод и эхо вечерних улиц, запах костров и сырости – не будили возвышенных чувств, не тревожили сердца, не колебали сознание тягой к лирике и чистотой помыслов, от предвкушения первой встречи, от невинной и мимолётной, но приятной неожиданной любовной увлечённости.

Когда-то он без оглядки переходил проезжую дорогу, доверяясь лишь слуху, полагаясь на чуткость, подкрепляемый верой в собственную неприкосновенность, возможность справиться с любой неожиданностью, противостоять ей, повелевать, манипулировать людьми и своей судьбой.

Это было когда-то, где-то там...

Теперь он пять раз смотрел то в одном, то в другом направлении, прежде чем решался пересечь автомобильную дорогу. А идя, ещё и ещё, снова и снова вертел головой, и, не веря глазам, смотрел опять.

Он старался, как можно реже садиться за руль. Ездил медленней, аккуратней, чем год назад. Избегал оживлённых магистралей. Только крайняя необходимость могла понудить его затеять игры со смертью – всякий неразумный, необоснованный риск был исключён из его жизни. Пока! До тех пор, пока он не определится с тем, что же делать со своим страхом смерти. Ведь существовала и иная трактовка появления этого страха и той силы, что парализовала даже здравый смысл, – поиск смерти, бег вслед за ней, чтобы настичь её ранее отпущенного срока или, если довериться Фату, получить то, что отпущено, что предназначено...

Когда-то он был весел. Когда-то люди любили его компанию, тянулись к нему, интересовались им. Теперь он скис, и душок был затхлый, как у квашеной капусты при неправильном хранении, – он источал густой смрадный дух. Подобное никому не приходилось по душе – многие стали сторониться его. Порой это задевало, огорчало, усугубляя его состояние.

Но были и такие, кто не предал, кто остался рядом, кто помогал и поддерживал, как и чем мог. Но иной раз человек изъяслял излишнюю бдительность и заботу – он раздражал навязчивостью, всматриванием-вглядыванием, и это провоцировало гнев, вызывая конфликт.

Он был мужчиной, который всё ещё оставался молодым человеком – в скором времени ему должно было исполниться всего лишь двадцать восемь лет. Он поднялся и встал на порог возрастного кризиса, – когда молодость уходит, и впервые по-настоящему, со всей полнотой осознаешь, что бывшее безвозвратно утеряно, и с каждым минувшим днём морщин на лице становится больше, а мешки под глазами с упорством появляются после каждой ночи, а не только, как когда-то, лишь после бурной, неудержимой, забористой, залихватской ночи...

Он стоял и смотрел на осень.

Его имя было сложным, но красивым. Возможно, даже чересчур красивым. Выглядело это несколько напыщенно, претенциозно. И его это не только устраивало, но ему это до сих пор нравилось. Его звали: Руслан Леопольдович Покрута-Половцев. В зависимости от окружения, от обстоятельств или нужд он порой называл себя, сокращая фамилию: «Здравствуйте, я – Руслан Покрута». – Или: «Половцев, Руслан Леопольдович». Половцев Руслан – ему нравилось больше прочего. И при этом он не врал и не вымышлял себя, скрывая истинное лицо. Он всего лишь упрощал.

Москву укрывал дождливый осенний вечер, а в офисе горел яркий «дневной» свет, было тепло и сухо – уютно.

Он стоял у окна и старался удержать взгляд на своём отражении – оно плавало на стекле в разводах дождевых потоков. На него глядело такое знакомое, такое любимое, но так безжалостно изуродованное, искажённое лицо с грубоватыми, крупными чертами в кайме немного выющихся, и оттого пышных, светло-русых волос, с задумчивыми зелёными глазами, смотрящими куда-то мимо, сквозь собеседника или наблюдаемый объект. Фигура его отражения покачивалась, колебалась, и была она высока, худощава и малость нескладная, облачена в расстёгнутый до последней пуговицы серый пиджак и в голубую рубашку, украшенную тёмно-серым галстуком с розовыми, приглушённого тона, ромбовидными вкраплениями.

Всего каких-то два года назад он был озорным «вислоухим» мальчишкой, шумно и гарцуя катящимся по жизни. А теперь он – рабочий человек, ответственное лицо, «Господин Покрута-Половцев. Руслан Леопольдович». Всё это приятно, только... если бы только не нужно было прощаться с разгульным, удалым мальчишеством, которого он не только вкусил сполна, но успел пристраститься к его медово-перцовому вкусу.

Он находился в кабинете управляющего крупным спортивным магазином. Это был *его* кабинет. А магазин принадлежал его отцу – один из пяти, разбросанных по столице. Помимо этого отец занимался поставками спортивного инвентаря в спортивные залы и клубы.

Отец тоже не становился моложе. Вот и дела он потихоньку начал передавать сыну.

На работу к отцу Руслан поступил в двадцать пять лет. Переступил через себя, сжал зубы – и пошёл на службу. Вначале были необременительные, второстепенные должности – отец приучал, втягивал его в деловой процесс. Пост управляющего Руслан получил незадолго до своей двадцать шестой годовщины. Таким образом, на второстепенных должностях он пробыл, успевая придаваться прежней разгульной жизни, что-то около семи-восьми месяцев. Отец повысил его в должности не столько за заслуги или по родству, сколько из-за надежды, что высокий пост образумит, остепенит его беспокойного и безответственного отпрыска. Так и произошло, но лишь спустя полгода.

Отец сделался довольным: сын погрустнел, а это значит, что он помудрел, – стал сдержанней, ответственной и, несмотря на полную самостоятельность, сын как никогда от него зависел – в коем-то веке Руслан нуждался в отце! А всё потому, что крупный бизнес не мог успешно развиваться, не теряя темпа, не нести убытков без опыта и связей отца, – и Руслан

не тушевался, не гордился, не стеснялся, ничего никому не доказывал, он без обиняков обращался к отцу за помощью.

Вот уже больше года дело, став привычным, спорилось, а функции и задачи Руслана росли и множились: он всё больше сближался с отцом, чаще выполнял его поручения и подменял его, перед ним открывались «потайные» комнаты – он допускался к секретам и тонкостям ведения устоявшихся, налаженных дел и контактов, примеряя на себя одежду преемника семейного бизнеса.

Так бы всё и шло, если бы не подмявшая Руслана хандра и не злополучный телефонный звонок от отца, вдруг вспомнившим о существовании деда. Этим звонком отец поставил сына перед фактом, которым тот не мог не обремениться, – отец снова, в который уже раз за последние месяцы, взвалил свою проблему на плечи Руслана.

Дед, то есть родной отец отца Руслана, был скверным, вздорным стариком. Но у Руслана не было возможности узнать об этом: он видел деда не более двух раз за свою жизнь, и потому не мог о нём судить, – он доверялся мнению отца.

А дед таким был всегда – скверный старик!

Но это был дед, родной дедушка. И он умирал.

Отец Руслана наотрез отказался к нему ехать. Руслана же он не принуждал к поездке, он якобы всего лишь известил его о наличии проблемы. Но, если Руслан захочет «проводить деда в последний путь», он не станет противиться – это дело Руслана, он уже взрослый, и должен самостоятельно принимать подобные решения.

Может быть, всё так и обстояло на самом деле, может, отец и не желал поездки Руслана к умирающему деду, и, звоня сыну, он действительно думал только о том, что тот имеет право знать о близости столь печального события.

Отношения между Леопольдом (отцом Руслана) и Семёном Игнатьевичем (отцом Леопольда) никогда не были гладкими. С малых лет Леопольд испытал, что такое унижение и нужда. Унижение – из-за своего имени. Нужду – по бедности семьи. И ещё были страх и признание. Страх – перед ворчливым, смурым и взбалмошным, недолгим до расправы Семёном Игнатьевичем – отцом. А признание – всё к тому же Семёну, к своему отцу, за его беспомощную муку, которую тот постоянно терпел и тешил в думах, и не только не старался хотя бы чем-то облегчить жизнь семьи, но и не находил в себе сил для достойного поведения, чем только усугублял, делая нестерпимым, положение домочадцев.

Леопольд учился всем чертям назло. Он окончил десятилетку без единой тройки и тут же покинул дом, уйдя в плавание по большой жизни. Тем, кем он стал, и тем, что он мог дать сыну, он был обязан только себе. Как говорится, он сделал себя сам.

Леопольд Семёнович был упёртым. Он был натырным.

Несмотря на то, что в детстве имя принесло ему много бед, он не менял его, тем самым доказывая и отцу, и себе, что способен бороться с напастями и трудностями в любом положении – ничто не отворотит его духа, а лишь придаст закалки, не дав забыть прошлого. И он помнил, и упрямо двигался вперёд.

Семён Игнатьевич наградил своего сына издевательским именем в пору своих убеждений и для смеха, ради вызова тем сложностям, которые он был не способен побороть сам, с которыми он бился всю жизнь – и неизменно пасовал, падая ниц и стучая челом оземь от беспомощности... У него была зычная, боевая фамилия: Покрута-Половцев. Она звала его вперёд, на свершения, на покорение вершин, эверестов! Но его происхождение, быт, врождённые способности и имя (Семён) боролись с величием и тянули в грязь брэнной земли – так ему чудилось всегда, с этим он всегда жил, и всегда этим тяготился, от этого стонал и выл, бросаясь на стены в пьяном угаре и мучая, изводя жену и единственного сына. Он искал успокоения, твёрдости, понимания, ухода от скверных мыслей, но ничего перед собой не видел, и не было ни одного просвета – лучи надежды не проникали в его пасмурное обиталище, – и Сёма выл, а,

утомившись от мучения, снова принимался искать и ждать прозрения. Таков был дед. Если бы Руслан знал его, то он мог бы испугаться, увидев в себе некоторые черты его характера, начавшие проступать в нём с двадцать седьмого года жизни. Но Руслан не знал деда, а отец не различал грозных признаков или не желал вспоминать былое: Леопольд давно не виделся с отцом, и старался не поминать его вовсе, чтобы, вспомнив, не отяготиться, не завязнуть в его беспомощности, и не изойти злобой. А злоба была. И не столько из-за своего детства, сколько из-за загубленной жизни матери, которая прожила после ухода Леопольда из дома всего пять лет – умерла, угаснув, как свеча на ветру, не смогла одолеть в долгой борьбе, в затянувшемся противоборстве сквозняк, хлещущий холодом из настёж отворённых дверей. Леопольд считал, что в её ранней кончине полностью повинен отец: он замучил её, издёргал, вынул всю душу и истолок сердце, превратив их в ошмётки, отлетающие от его грязных сапог.

О примирении Леопольда и Семёна не могло быть речи.

Но... старик умирал – ему недолго оставалось гадить на белом свете. И Руслан, если почтёт нужным, вправе отдать ему долг. Пускай, если не за прожитые годы и воспитание, то за кровь, струящуюся в его жилах. Леопольд Семёнович позвонил сыну...

С тех пор минуло, канув в небытие, полтора скоротечных месяца.

Если до того Леопольд Семёнович не выражал тревоги, а даже наоборот – испытывал радость, по-своему трактуя изменившийся характер сына, то теперь он был озабочен, и бдительно всматривался в него, и замечал явные признаки депрессии, которые, впрочем, он относил к последствиям визита к деду и к его похоронам. И Леопольд Семёнович ругал себя за недалёковидность. «Этому хмырю, – говорил он себе, – достаточно одной минуты, чтобы навсегда изменить психику человека! Как же я был слеп, как глуп, как забывчив! Глупец, глупец-глупец, старый осёл! Собственными руками отправил сына на погибель. Бедный мой Руслан. Я не вынесу, если с ним стрясётся беда. Надо что-то делать, надо что-то делать...» – твердил он и хватался за голову.

И были найдены, подысканы хорошие специалисты – Руслан предстал пред очи докторов наук и академиков от психиатрии и психологии. Бились, толклись они возле него, и, вроде как, стало Руслану легче – помягчел, повеселел, прояснился взор, упростились и расковались походка и жестикация. Лишь стал он порой впадать то ли в задумчивость, то ли в отрешённость – глядеть в какой-то сокрытый для всех мир или, может быть, пока что всего лишь заглядывать за его краешек, с натугой приподнимая пыльную портьеру – хотя преграда была весома и грязна, то, что скрывалось за ней, не отступало, манило, дразня, соблазняло.

– О чём думаешь, сынок? – спрашивал в такие минуты Леопольд Семёнович.

И не получал ответа.

Тогда он, некоторое время, от нерешительности, потоптавшись на одном месте, приближался и пальцем толкал в плечо забывшегося сына. Если это не помогало, отец начинал паниковать и, теряя самообладание, тряс его неистово, крича дико, дозываясь до него.

– А?.. Что? Что ты делаешь, п-па-па? Остановись! – Сначала спрашивал, заикаясь от тряски, Руслан, а потом кричал, уже в свою очередь пытаясь дозваться исступлённого отца.

– Да-да... конечно. Извини! – говорил взбудораженный, раскрасневшийся, всклокоченный и растрёпанный отец, торопливо отходя от сына, от смущения пряча глаза и суетливо стараясь найти отвлечённую тему, чтобы затеять непринуждённый разговор. – Ты сегодня был в Алтуфьево? Как там обстоят дела? С нашим заказом всё в порядке?

– В Алтуфьево?.. – рассеянно откликнулся Руслан. – Дела? В порядке. Всё нормально. Не беспокойся. Я начал – я завершу. Всё тип-топ... – говорил Руслан. И тут к нему мог возвратиться пустой взгляд. Тогда он обращался лицом к окну, либо упирался взглядом в угол комнаты, либо в комод, в стол, в ручку, лежащую на нём, лист бумаги, папку документов, часы на стене, в дверь, в стул возле неё, в фикус у сейфа, а то и пялился прямо на отца или другого человека – для него это было без разницы.

– Руслан. Руслан! – повышал отец или кто-то другой голос – и Руслан возвращался в реальный мир. – Ты к врачу ходишь?

– Хожу.

– И что?

– Ничего. Нормально.

– Ну... ладно. А когда ты последний раз видел Лизу?

– Заходила...

– И?

– Нормально.

– Ты не думаешь вернуться к ней?

– Не знаю.

– Ну да... Поедем, поужинаем? – спрашивал отец, не осмеливаясь продолжать навязываться с расспросами. – В какой ресторан хочешь? Или куда ещё? Может, домой? Мама будет рада.

– Поедем в «Золотой ус».

– Ладно.

И они ехали по осенней Москве.

Отец сидел за рулём и пытался занимать Руслана разговорами о работе – ему казалось, что отдельные моменты служебной деятельности сыну очень даже по душе. И он был прав: Руслану многое нравилось в работе, и такие разговоры, увлекая, отвлекали от рассматривания пустоты.

Леопольд Семёнович не раз интересовался у сына, что же произошло там, у постели умирающего деда или на похоронах? Но не мог добиться от него ничего, что прояснило бы ситуацию. Впору было предполагать, что так подействовали на Руслана сами похороны, и приплюсовать возраст, и добавить до конца не прошедшую, возможно, адаптацию к ежедневной трудовой занятости. От таких рассуждений Леопольд Семёнович успокаивался и приободрялся. Да и не могло быть с Русланом ничего иного. Что может быть ещё? Что может быть такого, о чём нельзя допустить и мысли?! Что не приходит в голову! Врачи думали также – и разводили руками, обещая, что время излечит, – конечно же, при их посильной и скромной, но незаменимой и необходимой помощи, – и молодой человек полностью войдёт в новый для себя ритм жизни.

– Ну да, ну да... Вы уж постарайтесь, побеспокойтесь, Пётр Алексеевич или Марья Ивановна, – говорил Леопольд Семёнович и совал в руку или опускал на стол, под какую-либо книжечку, или в карман белого халата или делового костюма конвертик с денежкой. – Вы уж попоштите о моём чаде, не сочтите за труд.

– Не надо так беспокоиться, Леопольд Семёнович. Ни к чему хорошему это не приведёт – поберегите нервы. А сыночка мы Вам вернём в самом надлежащем виде – не извольте сомневаться.

– Ну да, ну да... – повторял отец и уходил в задумчивости, шаркая ногами. – Ну да, ну да... – доносилось с лестничной площадки.

– До свидания, – нерешительно прощался профессор, доктор наук, и в такой же рассеянной задумчивости возвращался в кабинет или отваливался в кресле, изучая стеллажи с умными научными книжками. – Ну да, ну да... – повторял он машинально, выпячивая нижнюю челюсть, жуя губами «коровью жвачку». – Ну да, ну да...

Была осень. Были первые числа ноября. И лил дождь. Вечер, сомкнув веки, накрыл оживлённые улицы города серым покровом. Уличное освещение и рекламы мерцали, сверкали, играя разноцветными лампами и табло. Люди двигались, как муравьи. Машины двигались, как светляки. Всё жило, всё функционировало. Лишь Руслан Леопольдович Покрута-Половцев в своём рабочем кабинете стоял бездушная восковая статуей, и не видел города, – засмотрев-

шись на своё отражение, он погрузился в то, что неотвязно преследовало его полтора месяца, и с каждым днём привязывало к себе всё сильнее, увлекая в свои глубины, к припасённым в них хитроумно устроенным тенётам.

Что же это было?

Если мы возвратимся на несколько минут назад и чудесным образом вторгнемся, влопимся в сознание Руслана, то сможем кое-что узнать: до отрешения от действительности он не столько думал, сколько вспоминал последние часы жизни своего так до конца и не признанного, неразгаданного деда, Семёна Игнатьевича Покруты-Половцева...

Тогда было самое начало осени. На дворе резвилось Настоящее Бабье Лето. Руслан ехал на бронированном «Глентвагене» в город, в котором ему не доводилось бывать, но откуда был родом его отец и где теперь умирал Семён Игнатьевич – его дед и отец его отца.

Дорога была не близкой: четыреста пятьдесят километров. Большую часть пути он с комфортом преодолел по новенькой автомагистрали. Он нигде не останавливался, слушал сборник детских песен из мультфильмов и кино советской эпохи и старался ни о чём не думать. Когда в конце третьего часа пути у него стала раздуваться голова от игривых, дурашливых, задорных голосов, постоянно доносившихся из динамиков, он выключил стереосистему и оставшиеся шестьдесят километров проехал в тишине по пустынной, местами разбитой узкой дороге, плывавшей среди редких небольших населённых пунктов и леса. Вокруг осень озорничала красками и ясным небом не меньше проказливой Старухи-Шапокляк или Красной Шапочки, которая совсем недавно пела о далёкой Африке. И Руслан не устоял – поддался искушению: он снизил скорость до сорока километров, и ехал, наслаждаясь лесом и открывающимися полями и заречной далью. В опущенное боковое окно, перебирая его светлые волосы, проникал наполненный осенью тёплый ветер.

Какой-то охламон, наехав сзади, принялся сигналить, возмущаясь медленной скоростью. Через открытое окно Руслан махнул рукой, предлагая не безобразить, а ехать своей дорогой – обгонять без склок и драк.

«Ауди» прошелестело мимо.

Руслан заметил, что за рулём сидела дамочка. Опередив, она повиляла по дороге, помигала габаритами и – умчалась, быстро превратившись в маленькую серую точку. В ответ Руслан пару раз мигнул фарами и разок просигналил, при этом выставив в окно кулак с большим пальцем, указующим вверх, мол, всё отлично, ты – классная тётка, а я – классный чувак: мы оба – супер, ADIEU! товарищ!

На окраине городка пустовала заправочная станция, а за ней виднелись столь же покинутые автомойка с автомастерской.

Руслан решил взять тайм-аут – помыть машину, чтобы при этом как бы очиститься самому, успокоившись, и, отринув прошлое, подготовиться к предстоящему, а заодно узнать у служащих, где находится дом за номером 37 по Пролетарской улице.

Умученный малый в заношенном синем комбинезоне – служащий мойки, некоторое время тяжело двигал той частью мозга, которая ещё не атрофировалась от заумного времяпрепровождения, и известил:

– Это, скорее всего, во-он там, – он показал рукой на правый угол городка. – Вон, видите двухэтажные кирпичные дома?.. Вот. Это должно быть концом Пролетарской улицы. Где-нибудь там нужный Вам дом.

Руслан порадовался, что сделал остановку, иначе бы он сразу с дороги очутился возле нужного ему адреса, а уж там – постель умирающего «чужого» деда...

Он сунул в грязную, побитую и мозолистую ладонь парня две сотни и затолкал себя в салон машины: ему не хотелось двигаться дальше и увидеть навалившуюся на человека, подступившую к его постели смерть.

«Зачем же я еду? Я ожидал чего-то иного? – спросил он себя. – Это с каких таких?.. Всё одно, всё одно и ничего больше... Отступить мне никак нельзя».

Он повернул ключ – дёрнулся стартёр, ожил двигатель. Машина выкатилась с маленькой площадки возле автомойки. Руслан стал медленно приближаться к указанному месту и ещё медленнее отыскивать нужный номер дома.

Друг против друга – по обе стороны улицы – стояло четыре двухэтажных кирпичных здания довоенной постройки: одно из них наполовину обвалилось, у другого обрушилось три крошечных балкончика и просела крыша; но два дома были целёхоньки, а на их стенах в некоторых местах даже сохранилась штукатурка, и в них всё ещё жили люди. Казалось, что дома обречены на снос, дни их сочтены. Но, учитывая то, что на это надо тратить деньги местного бюджета, можно было смело предположить, что простоят они ой как долго. К тому же надо будет переселять куда-то людей. А Руслан сомневался, что в этом захудалом городишке имеются или планируются новостройки.

Вдаль по улице кучковались бревенчатые избы. Через километр-полтора виднелось два десятка высоток с обступившими их, выросшими за последние годы особнячками в два, а то и в три этажа. Там, по правую руку от Руслана, пластался какой-то заводик, а по левую – грозила достать небо фабричная труба.

Четыре многоквартирных кирпичных дома, типа общежития, где остановился Руслан, стояли на пригорке, а потому он видел, что за городом, насколько хватало глаз, раскинулась голая степная равнина, – только слева, на краю горизонта, чернел лесок, и возле него, в лучах клонившегося к земле солнца, что-то тешилось множеством серебряных бликов.

«Кладбище, – понял Руслан. – Наверное, городское. Не опоздал ли я? Не там ли уже мой... мой?.. гм... дед?»

Подъездной дороги к дому №37 не было. Была тропка через грязь да рытвины.

Руслан припарковался на обочине и, внимательно обходя лужи, двинулся по тропинке к ближайшему левому дому. Он нигде не заметил разбросанных еловых веток, поэтому рассудил, что приехал вовремя, что дед жив, и даже, может быть, идёт на поправку.

Низкое солнце заглядывало в жерло подъезда. Руслан подумал, что лучше бы оно этого не делало, потому что ему не хотелось рассматривать запущенный подъезд со скабрёзными надписями, затянутый клубами дыма от тухлой рыбы, если судить по вони, сгоревшей на чьей-то кухне, – эта гарь мешалась со множеством запахов: общей затхлости, сырости, едких махорочных сигарет и бьющим в нос ядрёным духом браги для самогона, к тому же нестерпимо пахло кошками, которые будто бы устроили в подъезде свою уборную.

Из-за ближней двери, обшитой подранным, местами с подпалинами войлоком, выглянула и тут же скрылась мордочка недурной девицы, но с перепутанными волосами и бляншем под опухшим глазом, бывшей в достаточно дорогой на вид куртке коричневой кожи, в тёмно-синих слаксах и в ярко красных сапожках, запачканных глиной.

«Притон, – констатировал Руслан. – Я нахожусь в низкопробном шарашкином притоне. Ну, что же? Доводилось. Бывал. Прорвёмся. Только бы не покалечили машину и, почуяв бабло, не домогались бы до моей персоны... Если что – как-нибудь чем-нибудь откуплюсь и сделаю ноги. Со всяким сбродом лучше не связываться, но и бояться не стоит. Они, что шавки: стоит прикрикнуть, дать понять, что ты не из робкого десятка, кто тут барин, так они и завянут, и примут излюбленную позу – согбенно, с протянутой рукой, искательно, заглядывая в твой рот. Да-да, непременно так». – Он продвигался осторожно, стараясь не наступить куда не сле-

дует, и очень скоро понял, что ему предстоит подняться на второй этаж, чтобы найти комнату №10.

За отворённой широкой деревянной дверью с выбитым замком и оборванным войлоком, в практически пустой комнате с потёками по стенам, углам и потолку, под байковым одеялом лежал иссохший, обросший почему-то покоцаной бородой старик. Пахло мочой, лекарствами и древними вещами. Гарь с первого этажа заползала и в это скаредное и убогое жилище страждущего, но она не могла заполнить комнату с наглухо закупоренными окнами настолько, чтобы хотя бы на время изгнать скорбный запах. Комната была на восточной стороне, и вечернее солнце в неё не проникало – было довольно сумрачно. Вошедшему с улицы, облитой солнечным светом, это должно было показаться чуждым и вызвать отторжение, а лежащий на смертном одре старик – возмниться метафизическим казусом.

Старик без единого движения смотрел на вставшего в дверях молодого человека.

– Какой гладкий и ладный господинчик! – услышал позади себя Руслан скрипучий голос. – Милости просим в наше скромное жилище! Всё наше – Ваше, а Ваше – наше, милый человек!

То было некое подобие женщины – расплывшееся телом, распухшее и почерневшее от тягот беспрестанного питья чарок с Зелёным змием. Женщина смолила вонючую папироску и смотрела с прищуром – пытливо и внимательно – на богатого гостя. Из-под распахнутого халата, некогда ярко-пёстрого, а ныне засаленного до черноты, вываливались обвислые груди невероятных размеров, – впрочем, ничем не уступавшие её общим габаритам, которыми она походила на ворох сена, оброненный с воза нерадивым хозяином и пролежавший под открытым небом всю зиму. Женщина едва доставала макушкой до солнечного сплетения Руслана, и он, с высоты своей, с призрением и брезгливостью, которые, при всём желании, не сумел скрыть, обмерив её взглядом, упёрся глазами в бурдюки, прицепленные к её грудной клетке.

– Нравится? – поинтересовался та, выпячивая своё богатство.

– Так себе. Скорее нет, чем да.

– Ох, извините-пожалуйста, я не нарочно, – кривляясь, сказала женщина и запахнула халат. – Но, может быть, всё же загляните на огонёк? – Она встала вполоборота и приглашающим жестом синюшной руки с папироской указала на дверь соседней комнаты.

– Может быть, позже... – отозвался Руслан и обратился глазами в комнату, из которой на него всё так же молчаливо смотрел старик.

– Ты что, извращенец? – панибратски спросила женщина.

– Почему это? – удивился Руслан.

– Пялишься не на прелести бабы, а на чахлого старика? Надо же! Ну и молодёжь пошла. Зажрались коты. – Оттеснив Руслана, она ввалилась в проём двери и противным склизким голосом прокричала: – Здорово, Семён! Никак не встретишься с Богом? Грехи не пускают? Кхе-кхе, – она закашлялась. – Как тебе такое нравится, – сказала она Руслану, – лежит тут себе целую неделю – и ни туда, ни сюда. Никак не разберёт, чего ему надо. А, старик? Чего ты хочешь?.. Мне-то что. Мне всё равно – живи, коли можешь. Но только, ради Пресвятой Богородицы, не мучь ты меня больше ни единой минутой – сколько же можно!

Старик закричал. Попытался поднять руку, чтобы сделать прогоняющий жест. Зашевелил губами.

– Ой ты, ой ты, не нравится ему. Подумаешь, цаца какая. – Женщина надвинулась на Руслана. – Ну, так что, милый? – спросила она, обдавая Руслана дурным запахом изо рта. – Кто тебе нужен? Я не сгожусь? – Она озорно подмигнула и сплющила лицо игривой улыбкой.

– Это Семён Игнатьевич Покрута-Половцев? – серьёзно спросил Руслан.

– Он самый... – Пылкость женщины угасла, от разочарования она скорчила рожу. – Так тебе, мил-голубок, нужен этот старик? Ты к нему, что ли? А ты ему кем приходишься?

На сынка-оболтуса вроде не похож... Не уж-то внук? Он тут всё кого-то из родных поджидал, да только кто у него есть-то из родных? Никого нет. Уже да-авно всех умаял. А сынок? Так тот ни разу не бывал. Верно, ты внуком будешь.

– Внук.

– Ага. – Женщина прищурилась мутным глазом, склонила голову, пыхнула дымом. – Понятно... Если будет чего надо, заходи. Вот моя комнатка. А к нему тут одна сердобольная монашка всё ходит – в последние дни без отлучки подле сидела. Теперь, наверное, куда-нибудь отошла. Глядишь, скоро подойдёт.

– Понятно. – Руслан стал протискиваться в комнату.

– Ну-ну... «понятно»... ну-ну... – Женщина с самодовольством, величественно выдвинулась в коридор, и Руслан затворил дверь.

– Русланушка, внучек, сядь ко мне... – проговорил дед.

Руслан подвинул к середине кровати расшатанный табурет, стоявший у изножья, сел, вытянулся, как проглотивший жердь, сложил руки на правом бедре:

– Здравствуй... дед. Хвораешь?

– Хвораю, внучек. Совсем хвораю...

– Никак помирать вздумал?

– Всё так... последние силы уходят, покидают брренное тельце.

Помолчали. Старик рассматривал внука. Руслан изучал обстановку, прикидывал количество и качество лекарств – старался не смотреть на деда.

– А отец с тобой не при-ехал? – поинтересовался старик, и голос у него дрогнул, в глазах промелькнул испуг.

– Нет. Он не смог.

– Понятно... А я так хотел увидеть его. Боялся встречи, но хотел увидеть, чтобы попросить прощения. Простит или нет – это его дело. Но для себя я должен был попробовать сказать его – прощение-то...

Руслан молчал.

– Тут за мной монашка ходит, Евдокия – хорошая, добрая старушка. Спасибо ей. А то бы совсем один помирал. Никого у меня не осталось. И соседи не те люди. Один я.

– У тебя всё есть? Может, что надо купить? Я съезжу. Где у вас аптека? Или, может, что в магазине надо?

– Нет, внучек, ничего не надо. Мне теперь ничто не поможет. Да и не хочу я. Умираю я.

– Отчего же?

– Стар я уже. Да и много пил всякой дряни. Специально пил дрянь, чтобы уж скорее *туда*... Печень посадил, почки отказывают – в теле всякая дрянь бродит, травит его. Тебя вот с трудом вижу – слепну.

– Может, тебе в больницу лечь... раз отравился?

– Был я там. Говорят, что поздно, можно только муки продлить, искусственно тянуть меня, но для этого нужны деньги... и другие клиники, не как у нас.

– Ну... о деньгах не думай. Дадим, сколько понадобится.

– Не надо. Для чего я стану мучиться, подцепленным да подключенным ко всяким железкам? Достаточно я пожил... ничто мне не мило – рад я, что всё кончается. Время пришло – я и рад.

– Эх тебя достало, – не удержался и процедил сквозь зубы Руслан.

– Я слаб, я слаб духом... я такой слабый... Насколько же я слаб! – прошептал иссохший жёлто-зелёный старик с покоцаной бородой, и мутная слеза показалась у края правого глаза, изрезанного красными прожилками. – Я не выдюжил тоски, её тоски, и бежал как последний трус! – Он стукнул ладонью по одеялу. – Я снова не смог! В который уже раз я ничего не смог

поделать, преодолеть себя, понимаешь? Понимаешь меня? – Руслан затряс головой, а дед потянулся к нему костлявой рукой, пытаясь достать до его щеки, чтобы погладить, приласкать или хотя бы прикоснуться к его юности, свежести, а то и почувствовать тепло родной кровушки. – Внучек мой, не повторяй ошибок и прости за всё своего дедушку.

– Может, всё-таки можно что-то сделать? Если никуда не хочешь ехать, тогда, может, и здесь чем помогут? С кем нужно – я договорюсь, – уверил Руслан.

– Не думай об этом. Это не важно. Я не за этим хотел видеть тебя с Леопольдом... То, что его нет, может, и к лучшему. Только вот... не смогу я попросить у него прощения. Но ты ему передай, что мне очень жаль, что я был плохим отцом и плохим мужем. Ты передай ему, хорошо?

– Передам.

– Что приехал только ты, это лучше... Я хочу кое-что сказать... я тебе кое-что расскажу. Только ты не думай, что я сошёл с ума, и не перебивай меня, ты слушай деда.

– Ладно.

– Мне надо кому-нибудь рассказать. Я говорил монашке, только она чужой человек, пусть и под богом и с богом ходит, но чужой, понимаешь? Она теперь старается повернуть меня от моих мыслей и обратить к богу. Она считает, и всё очень сердится, что всё, что происходит со мной, это от моего безверия, от моего инакомыслия, нечистоты душевной, помыслов скверных – они сгубили меня; что мне надлежало сразу же узреть божественную силу, и жить с нею, верить в Него – тогда не пришлось бы страдать и мучиться в поисках чего-то, что и не ведомо, чего, может быть, и нет... Но я-то знаю, что оно есть! Теперь знаю. Она считает, что во мне сидит дьявол. И я думаю, что теперь она ходит за мной не столько от сердоболия, сколько желая хотя бы на смертном одре привести меня к богу, – она видит в том свою миссию... Она всё читает молитвы, даже приводила священника. Совсем меня утомила. Но я терплю, потому что никому я, кроме неё, не нужен. Потерпим. Пускай себе тешится. Может, даже подыграю ей – прикинусь уверовавшим. Хотя я, конечно, какой-то частью принимаю бога. Да и как же иначе, если лежишь у ступеней лестницы, которая ведёт к его Трону? Как иначе? Если он есть, я скоро увижу его. А если нет... Даже не знаю, хочу ли этого? Если нет его, то, возможно, я попаду *туда*... – При последнем слове старик глянул в какую-то пустоту, и стала заметна щемящая тоска, сковавшая его сердце – нечто подобное сожалению о безвозвратно ушедшей первой любви.

Руслан сморщил лоб:

– Куда?.. Куда это ты, дед, собрался?

Дед посмотрел на внука сурово.

– В страну, о которой мало кто знает. Но я нашёл её... всё-таки я её нашёл. Пусть поздно, и не прошёл далеко по её равнине, но я её нашёл! – Он часто задышал, вздымая чахлую грудь.

– Да-да, успокойся. Я верю. Есть какая-то равнина в какой-то стране. Конечно, есть. Почему бы ей ни быть?

– Не смейся! – крикнул старик и закашлялся.

– Я не смеюсь.

– И не поддакивай, не кивай, болваном, своей тупой башкой!

«Вот он какой, дед мой! – подумал Руслан. – Наверное, это пробивается наружу его истинная личина – не выдерживая фальши, рисования, рвётся она, мечется?»

– Ты это... дед, давай успокойся, а то, не погляжу, что ты в почтенном возрасте и беспомощен, тресну тебя в лоб.

Дед присмирел, и чего-то соображал, прикидывал.

– Чужой я для тебя, – наконец сказал Степан Игнатьевич. – И зол ты на меня из-за отца своего – это он тебя натаскал, науськал против меня. Но ничего не поделать: кровь в тебе всё одно течёт родная, единая с моей. Я никого не найду ближе тебя и Леопольда... Извини

меня, Руслан. Такой уж я. Вздорный я, вспыльчивый и вообще – дурной. Я во всю жизнь ничего не мог с этим поделаться, а теперь не стану и стараться. Потому что не поможет, не исправит. За одночасье-то того, что было всегда, не исправит... Прости старика, – он просительно посмотрел на внука

– Ладно, ничего, забыли, проехали, всё нормально.

Дверь в комнату скрипнула, приотворяясь. В проём просунулась монашка, с ног до головы убранный во всё чёрное, – только чистое кругленькое лицо висело в воздухе белым шариком.

Руслан поднялся с табурета.

– Здравствуйте! – сказал он. – Я – внук Степана Игнатьевича, Руслан Леопольдович.

– Евдокия, ступай пока, – сказал дед, – дай мне поговорить с мальчиком.

– Говорите, говорите, это очень хорошо. Храни вас Господь! – Монашествовавшая бабушка засуетилась, зататорила, затворяя дверь: – Это надо же, внук приехал! С божьей помощью-то ещё не то вершится, с божьей помощью...

Руслан постоял в неловком замешательстве и, не смея противиться воле страдальца, вернул на табурет.

– Это – Евдокия, монашка, которая приглядывает за мной, – сказал дед. – Хорошая старушка, только вся чёрная, а говорит о светлом боге. Смотришь на неё и, если не видеть лица, чудится рядом сам Сатана. Особенно, когда у меня мысли всё больше о нём, нечистом, прости меня, Господи, если ты есть! – прошептал Степан Игнатьевич и посмотрел в облупленный, не раз залитый дождями и оттепелями потолок. – Всю жизнь я мучился, страдал, места не находил. Не знаю, но, может быть, помог бы он мне, верь я в него. Да не приучен я, с детства не приучен – не то воспитание... Как ты, должно быть, знаешь, скверный у меня характер. Очень скверный. А всё отчего? Не потому, что характер таков, а всё мысли у меня такие, чувства, понимаешь? Черны они, это они рвут и мытарят душу – и я хандрю, злюсь и стенаю вместе с ними. Вот оно как. Понимаешь?

– Понимаю.

– И вправду... вижу по глазам, что понимаешь. Это хорошо, что понимаешь. Это меня радует. Это мне нравится. Но одновременно с тем и огорчает. Ты не должен повторять моей жизни. Никак не должен. Каким бы я ни был, а бессмысленно злым и мстящим никогда не слыл. Если кто-то так думал – ошибался он. Ничто во мне не было случайным. Всё имело причины. И я бы их поборол, да только никак не находился верный способ, чтобы уж раз и навсегда избавиться от всего, что мучит и терзает. Поэтому всякий раз всё возвращалось в обратку. Я принимался переживать и постигать всё заново. Скуден я умишком, да видно, что и памятью скуден. Никак я не мог сообразить ничего толкового. А уж чтобы хотя бы что-то удержать в себе надолго, чтобы снова не полонила никакая там хандра, – куда там! Никак не получалось.

– Что же это за хандра такая? – спросил Руслан, догадываясь об ответе.

– Хандра-то? Обычная хандра. Человеческая – вот какая!

– Ты думаешь, она у всех?

– А то как же! Обязательно. Только по разному проистекает. А так или иначе, у всякого – это обязательно. Никуда без неё. Это уж так. Никуда. Понимаешь? Понимаешь! Страдаешь? Вижу – донимает.

Руслан лениво повёл плечами, мотнул головой.

– Стыдно? Оно, конечно. В этом стыдно признаться. Иной раз самому себе всего не откроешь. Только начнёшь думать, как тут же обрываешь, на что-нибудь срываясь, лишь бы не думать дальше. Лишь бы не додумать! Вот оно как. Да. Так оно всё и бывает. И в старости и в младости – всё одинаково. Только по разному... а корень – всё один. Да-а, человеческое житиё-бытиё – сложная штука.

– Противоречивая.

– Да-да, верно! Противоречивая. Вот то-то и оно. С одной стороны, человек – звучит гордо, а с другой – животинка, как ни крути её, как ни верти. И цели, цели нету – пустота! Зачем всё? Всё – обман, фальшь, бессмыслица. Приходишь в мир из ниоткуда и становишься всем – личностью. Познаёшь, открываешь его – мир, то есть, – и что? А ничего – дорога к смерти. Направление только одно. И всё, что накопишь, узнаешь, сделаешь, тоже рано или поздно умрёт. А уж про человека и говорить нечего: коротка его дорожка, ой, как коротка!.. Уж очень это жестокая издёвка со стороны какого там ни на есть бога, очень жестокая: дать животному разум! Зачем он нам? Были бы счастливы, если бы ничего не понимали, не осознавали. А так... Эх, жизнь! Работай день-деньской, болей, размножайся, жри... – дед зажевал бородой, – гадь так или иначе... душись духами да одеколонами, рядись в костюмы, такие же как вона у тебя – обманывай себя, беги от природы... покупай, торгуй, восторгайся, люби, желай, стремись, терпи унижение, обман, насилие, гнёт... а зачем? Да и не срамно ли? А? Срамно же! Ой, как срамно! До жути стыдно и неловко быть тем, чем ты есть. Чем, не смотря ни на что, ты остаёшься. Мешок с костями, жилами, венами, внутренностями. Свинья – свиньёй: мясо, жир да кишки. И, несмотря на всё это, жить-то хочется! Ой, как хочется! До боли, до страсти хочется! И нравится... Но как же страшно жить ради тлена, земли сырой, гроба тёмного и холодного... Если бы не гордыня, не общество, если бы не приравнивание себя к бестелесному божеству на небе!.. были бы мы такими, как есть: животные – животными. Тогда бы всё было не только хорошо, но это было бы правильно. А так!

Руслан слушал старика, и его воротило от безысходности, потому что всё это в той или иной степени присутствовало и в его сознании, но то, что в старости люди талдычат всё о том же, чем славен период, когда оставляет юность и надвигается зрелость, вызывало в нём новые терзания. Ранее он надеялся на то, что его угнетённое состояние пройдёт и уже никогда не вернётся в своей нынешней форме. А тут показалось перед ним безрадостное грядущее: ничто не вечно под луной, только – мысли человеческие. Неужели и его отец думает так же? Только он умело их подавляет, обуздывает, и скрывает, не пророняя перед окружающими, так, что ли? И окружающие тоже – так же? Подобное открытие показалось Руслану ужасным.

«Надо было заделаться гуманитарием, например, филологом, – посетовал Руслан, – там, верно, подобное разжёвывают хорошо... – и тоскуют всю жизнь! – добавил молодой человек и подытожил, – но мудро, степенно тоскуют». – «А лучше, лучше – философом. Почитал бы Ницше, Канта... кажется, так».

– Но, если ты уже живёшь, – продолжал старик, – никуда не деться – жить будешь. Надо! Потому что тебе страшно искать искусственной смерти. Ты попал в клетку, из которой не выбраться раньше отведённого срока, который может наступить в любой момент. Мучаешься, а живёшь. Живёшь и выискиваешь в себе и в мире возможность примирения, чтобы прожить не тяготясь, при этом хлебнув всего сполна, до конца. Вот и я мучался и искал. Искал и не находил. И нет здесь никакой находки. Ничего не найдёшь. Можно лишь смириться, принять всё таким, как оно есть. И – точка. Не мучься, сынок, не ищи, принимай всё таким, каково оно есть на самом деле. Примирись – и всё наладится. – Дед помолчал. Руслан смотрел на него пристально. – Лишь пять лет назад, – продолжил старик, удовлетворённый впечатлением, которое он произвёл на слушателя, его пониманием и разделением чувств и мыслей, – кроме смиренности перед брэнностью бытия, я открыл кое-что ещё. Совершенно случайно, уже не желая ничего похожего. – Дед не без умысла снова замолчал.

И Руслан не выдержал: он как загипнотизированный следил за губами иссохшего старика, проникнувшись нахлынувшими ощущениями и смелостью, которая требовалась, чтобы высказать сокровенное, то, что принято скрывать, нести уединённо, замкнув в себе, – Руслан доверился мудрости деда – всё же, несмотря ни на что, не напрасно же тот прожил долгие и одновременно с тем скоротечные лета, – Руслан не выдержал, он спросил:

– Что же это было, дед? Что?

– Это – не было, это – есть. Оно было всегда, и оно будет впредь. Оно вечно, в отличие от нас. Это – высшее примирение, которое даруется тебе в стране вечной осени. Но... это не совсем так... так просто. Вначале... вначале ты будешь должен пройти весь путь, а потом, постигнув суть, навсегда принять её, и только тогда, как я думаю, ты сможешь остаться там, любя всё, и потому наслаждаясь шелестом опавшей листвы.

– Ерунда какая... И как же, позволь спросить, туда попасть? Или, может, это метафора? Ты, дед, заговорил иносказательно?

– Вовсе не бывало. С чего ты взял? Ты меня обижаешь. В таком деле я врать не могу. Я не требую, чтобы ты поверил, и всю жизнь искал эту страну. Я только хочу, чтобы это открытие не умерло вместе со мной. Хочу сохранить знание среди людей. Но может так случиться, что оно поможет тебе, может, чем и как пригодится.

– Ну-ну...

– Ты не нукай, а слушай дальше.

– Валяй! – Руслан хотел было откинуться на спинку стула, но, почувствовав за спиной пустоту, вспомнил, что сидит на табурете. Но он нашёлся: он завёл руки за спину и упёр их в доски табурета. Таким образом всё же немного завалившись назад, он хотя бы на какое-то время сумел изобразить расслабленность, снисходительное позирование – это была спонтанно возникшая реакция на слова деда.

Дед, с недовольством глядя на внука, пожевал губами, но продолжил:

– Был мне пятьдесят восьмой годок, близился пятьдесят девятый, я ещё работал...

– Так ты, дед, ещё совсем молодой?

– Да. Мне шестьдесят четыре года. Я мог бы выглядеть куда лучше. Да и скрывает меня и старит борода. Но мне нравится за ней прятаться. К тому же она выделяет меня среди остальных, показывает, что я не такой, я другой, потому что кое-что знаю. Так сказать, себе на уме. Люди не любят таких. Но, таких как я, скорее надо не *не любить*, а жалеть... Большинство из тех, которые мнят себя знающими, знают печаль, а не радость, лож, а не правду. Они тешатся заблуждением – и бредут не той дорогой, а потом не могут выбраться из найденного болота, и гибнут, долго и мучительно гибнут в вонючей трясине... только один мох произрастёт на том месте.

– Ты – поэт, дед.

– Не поэт, а печальный странник.

– Если тебе так больше нравится.

– Ты не путай меня, не сбивай. Чего зубы заговариваешь? Я того гляди догорю и угасну, не успев сказать, что хочу, а ты!

– Извини. Говори. Я слушаю. – Руслан выпрямился на табурете, сотворил бесстрастное лицо – изготовился внимательно, без издёвок и насмешек, слушать продолжение сказок старичка.

– Захандрил я шибче прежнего. Такого со мной никогда не бывало. Один-единёшенек – никого рядом. Жизнь катится к бесславному концу – через год я буду пенсионером по всем положенным законным правам, тогда уже всякому будет можно без запинки и заминки назвать меня «дед, старик». Только и останется, что дожидаться конца. Ничего кроме смертушки... и никакого утешения или забвения. Ни-че-го... До того я захандрил, что расхворался, и мне выписали бюллетень. Я затворился в этой камерке и предался тоске и горю. Так мне было плохо, так плохо. Всё нутро разрывало, весь мозг выворачивало наизнанку, а сердце сжималось в комочек, и застывало – мертвело будто. Я лежал вот на этой кровати и стонал. А вернее сказать – стенал. Выл и скрежетал зубами. И рыдал, обливаясь горячими слезами. И вот однажды, утомившись от мучений, провалился я в безликое забытие – мозг, повинуюсь природе, выключил во мне всё, что терзало и изводило его, бедненького. Хотя он вовсе не бедненький – это он, проклятый, всему голова, всему вина и причина. И причудилось мне, причудилось как наяву,

местечко – тихая обитель. Ничего вокруг: ни человека, ни построек, ни телеграфных столбов. Поля и разбросанные тут и там клочки леса, щедро раскрашенного пышным осенним цветом. Всё обито солнцем. Небо чистое, лазурное. Дует лёгонький ветер – приятно холодит кожу, перебирает опавший жухлый лист. Сухо, чисто, прекрасно. Так мне легко задышалось, так легко! – это проник в меня покой, умиротворение и наслаждение от созерцания прекрасной, торжественной и величавой смерти природы. Она, конечно, не умирала, она засыпала, подготавливалась к тому, чтобы пробудиться по весне и заиграть нежным изумрудным блеском, возликовать – жить, покуда не покинут силы, и бестолково, беспомощно множиться, оставлять после себя потомство... – Руслан цокнул языком, скривился. – Да, куда это я? Сейчас не о том. Тогда мне ни о чём таком не думалось: я наслаждался свежестью и позолотой с багрянцем. Я шёл. Я смотрел. Я гулял. И шло время – долго я там оставался. А со временем вместе менялись и мои чувства. И незаметно для себя самого я предался тоскливым мечтаниям о любви, о юности, о том времени, когда я был без ума от осени и любил женщину, и был любим женщиной... Человек и без того не воспринимает себя старым: он старится телом, но его душа по-прежнему остаётся молодой. Тут я и вовсе забылся – и привиделись мне тогда вдруг на краю лесочка прекрасные девы. Они тихонечко прогуливались и призывно на меня поглядывали – вроде как заигрывали. Со мной, представляешь? Я поддался этой захватывающей, молодящей сердце игре. Я был польщён, я был горд, я был счастлив. Они вошли в лесок. Я направился к ним. Но... не нашёл я их – пропали они. И листья на деревьях начали быстро-быстро сохнуть и опадать – и вот деревья протянулись к небу голыми прутьями, суками, стволами, всё равно что иссохшими ручками в немой тоскливой мольбе куда-то ввысь, туда, где должен обитать Непреклонный Верховный Небожитель. Поднялся ветер. На небе собрались тучи – солнце пропало, начал накрапывать дождь. Всё вокруг побурело, почернело, напиталось мокротой, земля превратилась в слякоть, в грязь. Я промок и замёрз. По земле, гонимый ветром, стелился ржавый, коричневый лист – смоченный дождём, он едва уловимо шуршал. Горе и отчаяние заскребли когтистыми лапками по моему сердцу, и полезли тогда в мою голову думы – одна сквернее другой... Я не видел ни одного домика – вообще никакой приметы, по которой было бы можно найти человеческое жильё, чтобы попросить приюта, и хотя бы обогреться. Никого нигде не было. Даже никаких птиц и зверюшек не летало и не прыгало. Всё было мертво, тихо, скаредно. Я вспомнил всё! Все былые годы, печали, радости. А особенно отчётливо предстали под мои внутренние очи мои злостные проделки с людьми. И так мне стало стыдно, горько за себя, что хоть тут же, на том самом месте, где я стоял, сквозь землю провалился! Но это было бы слишком простым решением. Я не провалился. Я не погиб под слоями земли. Я вспоминал. Я вспоминал снова и снова, и опять, и опять, и маялся. Я вспомнил молодость, те далёкие года. Всё виделось мне очень подробно и чётко. Сердце стучало отбойным молотком, билось и разрывалось. Я с такой силой сжимал зубы, что они крошились. Тогда я разбежался и со всей мочи ударился выставленной вперёд головой о ствол дерева. Померк передо мной свет – и я нашёл себя уже на всё той же прежней своей кровати, вот на этой, в этой вот своей комнатке. Я долго лежал с широко раскрытыми глазами, глядя в потолок – и ничего не видел, ничего, кроме картин увиденного, как я думал, во сне, и тех пылких, страстных, проникновенных, насыщенных чувств, что там во мне пробудились. Про себя и для себя я назвал то место страной Вечного Шелеста Осени. Для меня она так и осталась страной, в которой осень шелестит опавшей листвой... После случившегося во мне была какая-то непонятная пустота – я вроде как успокоился, и оттого выздоровел. Я вышел на работу. Я больше недели не брал в рот ни капли спиртного. Я был как в дурмане, в каком-то оцепенении. А может быть, в ошеломлении? И вот настал день, когда прямо на рабочем месте я забылся – и увидел её! И была там всё та же прекрасная, чудесная осень. И не было никаких девок возле леса. Были чувства, были мечты, воспоминания. И я гулял. И наслаждался. Долго, как мне показалось, я там шатался-болтался. Мне было ничего не нужно, ничего не требовало, ни в чём-

то я не нуждался. Я просто был! Я дождался поры, когда наступает глубокая осень, когда мир теряет цвет. И вот тогда меня снова накрыла чёрная тоска. И я бежал! Бежал по равнинам, плутал среди деревьев в лесу и упал-таки, и покатился на дно оврага. От этого кувыркания у меня закружилась голова, и я потерял сознание... И я тут же нашёл себя среди привычных для меня людей, привычного и такого противоречивого мира. На этот раз – в больнице. Оказалось, что на работе я повалился без чувств и, закатив глаза, едва дышал. Думали, что – всё, что я отхожу в иной мир. Но откачали, хотя в сознание не привели. Запрятали меня в больницу, где я очухался спокойненьким и умиротворённым, и как ни в чём не бывало поднялся я с больничных полатей и стал собираться по своим делишкам, до своей хаты. И нет у меня никаких противопоказаний, чтобы противиться мне, удерживать меня – отпустили меня. Да и кто станет удерживать старика в больнице против его воли? Отпустили. После этого я не единожды посещал то место, ту страну.

«Сумасшедший старик», – подумал Руслан. – «С другой стороны, – добавил молодой человек, – он пересказывает всего лишь свой сон. Яркий, натуралистичный, но сон, рождённый страдающим от болезни мозгом».

Старик же продолжал выговариваться:

– Однажды я встретил там печального путника в потрёпанных одеждах. Впервые я повстречал в её пределах живую тварь. И никакую-нибудь, а человека. Мужчину! Тех краль, что веселились на опушке леса, а потом куда-то подевались, я не признаю за людей: то было видение, наваждение, предложенный мне соблазн. А этот путник был таким же мытарём, как я, из реального, земного мира. Он был человеком во плоти, и он успел много потаскаться, поскитаться по моей стране Вечного Шелеста Осени. Но это была и его страна. Она общая, она для всех и каждого. И для тебя тоже. И вот я, признавая его авторитет, слушал его. Ведь он давно, не в пример мне, гостил на её бескрайних просторах. Я слушал и набирался мудрости. От него я узнал, что, помимо моего знания осени, есть иное знание – это, такое привычное и естественное, но почему-то мною забытое, чередование времён года. Но, чтобы познать их, надо терпеть и ждать, ждать и терпеть – точно так же, как в земной жизни. Только иной раз время в той стране тянется невыносимо долго, а в другой раз бежит сломя голову... Это было испытание. Настоящее испытание воли. И я... не преодолел я его. Надо было ждать, проживая бесконечный день, не ведая ночи, следя за тем, как угасает осень и наступает зима, в которой до того холодно и одиноко, что тебя выворачивает наизнанку. Тянется она долго-долго... сурова-сурова та зима, и кажется, что ей не будет конца. Но потом приходит весна, чудесная зелёная весна – и всё в тебе начинает ликовать. Но, следя за рождением жизни в природе, ты задумываешься о неминуемой смерти – от этого тебе опять становится тягостно. Потом приходит лето, в котором всё неизменно, ничто не меняется, от чего ты наполняешься покоем и мудростью. От чего ты уже не страшишься близкой осени, ты даже допускаешь мысль о том, что, может, её не будет? И лето действительно тянется очень долго. Но всё же... всё же приходит осень. Эта новая осень по-настоящему прекрасна и торжественна, она удивительна! Теперь она не пугает тебя угасанием жизни. И, если ты сумеешь пронести все эти накопленные, выстраданные знания через предстоящие зимние стужи, пережить весну и снова успокоиться летом, успокоиться во второй раз, ты уже навсегда останешься в ранней поре осени и будешь в ней счастливым, то есть спокойным. Ты станешь её покорителем и превратишься в Повелителя. Она примет тебя, чтобы больше уже никуда не отпускать. Даже если ты вспомнишь мир людей, то не сможешь в него вернуться – ты навсегда уйдёшь из прежней жизни. В большинстве случаев попавшие туда люди не желают возвращения, предпочитая стабильность и вечное умиротворение.

– Красиво, но нереалистично, – сказал Руслан, потягиваясь – разминая затёкшие члены.

– Да, красиво... – задумчиво сказал дед. – И, может быть, не реально. Так или иначе, а для меня это не стало реальностью. Я до сих пор туда попадаю, проваливаюсь, но я ни разу

не задержался там дольше ноября – не выдюживаю. Обязательно сдрейфлю и сбегу. Вот так-то. Слаб я, слаб я духом, внук. Как был во всю свою непутёвую жизнь слабаком да недотёпой, так им и помираю.

– Печально.

– Да. Печально. Стал я вот спиваться. Пить немерено. Никогда я так не пил. Думал, что это помутит рассудок настолько, что избавит меня от её посещений, от повторяющихся возвращений туда. Но не помогало. Можно сказать, что я искал её всю жизнь, а найдя, не знал, как от неё избавиться. . . Увидав её однажды, побыв там, уже никогда не сможешь, как я понимаю, избавиться от познанных ощущений и мыслей. Она манит, не отпускает – вновь и вновь втягивает, всасывает, подчинив разум. И ты снова оказываешься в её бескрайних пределах и слышишь шелест осени. Вот так-то. . . Это – навсегда. Главное, это знать, что есть такое место, и тогда прийти в него будет делом времени. Если же ты не преодолеешь предложенный ею путь испытаний, жить на свете тебе станет совсем невыносимо. . . Я решил не просто спиваться, а пить самую гадкую, дешёвую водку, а то и какую иную отраву, суррогат всякий, чтобы, измучив себя уже не столько нервически, сколько физически, приблизить смерть тела, а с ним – разума. И вот, вытравив в своих нутрах всё, что можно, я лежу перед тобой немощным, ожидая своей кончины. . .

– Устал я, – сказал дед. – Горло пересохло – першит.

– Налить воды? – Руслан поднялся, огляделся.

– Не надо. Мне нельзя пить что ни попадя. В свою жизнь я намучился – не хочу новых страданий, хватит – дело сделано, недолго осталось. . . Прости внук и ступай пока. . . позови Евдокию, монашку. Она всё даст, она уже знает. Приходи позже. Позже приходи.

– Жизнь – прекрасна и удивительна, в абстрагированном варианте. Вот так вот, дед.

– Ну да, ну да. . . Дежурные слова твои – правильные слова. Жизнь прекрасна, если не замечать ужасного. А это удаётся не всем. Иди себе, иди, я всё, что хотел, сказал. Теперь мне спокойнее, теперь мне легче. Потом приходи. Позже.

«Чёртов старик! – негодовал Руслан. – Страдать он не хочет. Так, глядишь, он полежит, полежит и встанет! А я – сиди тут, жди якобы его смерти. Выманил меня! Будет теперь удерживать, родниться, сближаться. Вот напасть. Вот я влип. Как быть? Долгой задержки здесь я не выдержу, также как не выдержу его постоянного нытья, жалоб, отчаянья. Его пустоты, наконец!»

Выйдя от деда, Руслан направился в центр города, чтобы отыскать хотя бы какую-нибудь гостиницу. – «Но лучше, получше».

Через два дня, ночью, дед всё же умер.

И было Руслану невыносимо стыдно за свои мысли, которые после первого визита, в течение двух дней неопределённости, ещё не раз его посещали. Единственное, чем утешался Руслан, это тем, что он постарался сделать для старика хотя бы что-то: он встретился с врачом, который ранее наблюдал его в больнице, справился у него о серьёзности положения деда, узнал, можно ли хоть чем-то тому помочь или хотя бы как-то облегчить его страдания, купил лекарств, продуктов, дважды навестил, сделав последние часы для деда не такими страшными.

Руслан взял на себя все расходы и хлопоты, связанные с похоронами.

От близости смерти и от постоянных забот, на протяжении двух дней крутившихся вокруг неё же, у молодого человека сделалось совсем скверно на душе. Люди, пришедшие почтить память усопшего, только усугубили его состояние: все они были из простых и, можно сказать, что – примитивные. Руслана это угнетало – он привык к другому обществу, он привык к московской роскоши, широте, размаху, а тут. . . Он терпел и исполнял, что должен, – всё же это был его родной дед. Не важно, как он жил и с чем умер. Не важно. Достойным образом

побеспокоиться об усопшем было некому, кроме Руслана. Может быть, дед был бы не прочь скромных, скупых похорон, устроенных на общие сборы или на средства города. Они не отважились, а может, не успели об этом поговорить. Но в любом случае Руслан навряд ли поступил бы иначе. Он пошёл бы наперекор воле деда, полагая, что тот отказался от его забот лишь из-за стыда, скромности или высокомерия.

Деда закопали на лишённом деревьев кладбище, на краю степной равнины. В ста метрах через дорогу шумел листвою жиденький осенний лес.

Через две недели после похорон деда, Руслан отпраздновал свой день рождения. Ему исполнилось двадцать восемь лет. Покоряясь сложившейся традиции, он отметил его шумно, и в кругу семьи, и с бывшими и новыми друзьями, и со знакомыми и коллегами по работе и бизнесу. Но ему было тягостно – его депрессия прогрессировала, грозя вылиться в нервный срыв.

Через месяц после дня рождения Руслан пропал.

Его искали близкие, его искали друзья, и все надеялись, что это какое-то недоразумение, что он объявится сам.

Так минуло целых четыре дня.

На пятые сутки мать и отец обратились в полицию.

Через неделю с момента пропажи Руслан Леопольдович Покрута-Половцев, 28 лет, уроженец Москвы, был объявлен в федеральный розыск.

Сказка

– Место прекрасное. Всё здесь и вокруг прекрасно! Раньше проезжал – замечательно! Не к чему придраться. А тут смотрю, люди ходят какие-то набыченные, будто выхлебали стакан прокисшего молока и оттого маются животами, отчего и смотрят хмуро – не ловко им, значит. И как-то, вроде, стало здесь холодновато и уныло. В чём дело? – не пойму. Но, так кажется. Может, это так действуют хмурые люди, а? Не знаешь? – удивлялся, возмущался и спрашивал Ардашев Михаил, водитель рефрижератора, дальнбойщик не по профессии, а по убеждению, это – его жизненное кредо. Он, в своём долгом, но привычном пути с Брянщины до Архангельска, сделал привал-передышку, заглянув в придорожную гостиницу «Кольчуга», стоящую рядышком с озером Неро, если ехать по Ярославскому шоссе.

Миша или, как он любил называть себя сам, представляясь, Михей-Михеич сидел в ресторанном зале за одним столиком с мужчиной, с которым он только что познакомился на парковке у «Кольчуги».

– Я тоже заметил, – сказал сосед и отложил в сторону внимательно изученное меню. – Творится что-то непонятное. Прямо-таки чувствуется неладное. – И добавил шёпотом, склонившись к Михею и оглядываясь: – Действительно, как будто все без продышки гадят и оттого смущаются – глаза прячут, злятся, сердятся, думая, что все обо всём знают, причём знают во всех подробностях. И тех, кто вроде нас, кто из новоприбывших, прямо-таки прожигают взглядом – буравят, высверливают, прокручивают дырки.

– Верно. Верно. – Михей блуждал глазами, надеясь таким образом допытаться истинной причины необычной недоброжелательности постоянных посетителей «Кольчуги». Он всё ожидал чего-то нехорошего, опасного, какого-то подвоха, готовился дать отпор.

– Вы что, новенькие? Ничего не знаете? – вдруг обратился к ним молодой парень, живенько разворачиваясь на стульчике от соседнего столика.

– А ты кто? – неприветливо спросил Михей.

– Я по этой дороге таскаюсь на продуктовом фургоне. Частенько сюда заглядываю. Вон, – он тыкнул пальцем в зарешеченное окно, – вон моя старушка.

– А! Ага. – Михей расслабился. На время. Он уже давно не позволял себе потери бдительности – старался всегда быть начеку, особенно в новых местах или таких, как это, которое так неуловимо переменялось за время его отлучки: вроде, всё осталось по-прежнему, а всё же что-то не так. «Что-то не так... и прежде всего – люди!» – Михей. – Он протянул руку для пожатия. – Ардашев. Вон, рядышком с твоей малышкой, мой мастодонт.

– Понял, – весело откликнулся парень и развернул стул, подсаживаясь к их столику. – Пётр Сударенко. – Он принял мясистую кисть Михея, сжал её в своей, на века измаранной вьёвшейся в кожу грязью.

– Николай Сергеевич. Рукавников я. Николай, – отрекомендовался собеседник Михея.

– Вы тоже дальнбойщик? – поинтересовался Пётр.

– Нет. Я по делам еду.

– Знаешь, какая у него машина? – спросил Михей у Петра. – Пальчики оближешь! Такая лапочка, что я ахнул, когда увидел. На этой почве и познакомились. И я такую же хотел бы! – Михей Ардашев был в восторге от Николая Сергеевича, который собственными руками восстановил и привёл в блестящее, во всех смыслах, состояние детище отечественного автопрома – раритетный экземпляр: автомобиль ЗИС, модели 101А-Спорт, 1939 года выпуска, с открытым верхом, – это такая пучеглазая дурында с массивным передком. – Жалко, что отсюда не видно. Тебе, Пётр, не помешало бы на неё взглянуть – это такой восторг! У меня нет слов! Да ещё он покрасил её в насыщенный, глубокий красный цвет, который отликает малиновым бордо. – Михей одобрительно и с уважением похлопал Николая Сергеевича Рукавникова

по левой лопатке. – Блеск, мужик! Это я тебе говорю, Михаил Ардашев. Уж я-то в этом толк знаю. Когда-нибудь и у меня будет нечто подобное. Обязательно будет!

– Ничего, потом увижу, – сказал Пётр. – Думаю, я уеду раньше вас, тогда и гляну. У меня – график. Надо придерживаться, расслаживаться нельзя. – И он возвратился к наиболее интересной для него теме. – Так, значит, вы тут никогда не бывали, и ничего не знаете?

– Я здесь не был всего лишь на чуток более года, – сказал Михей.

– А я проездом, впервые, – сказал Рукавников. – А ты знаешь, в чём дело? – спросил он парня, которому на вид было лет тридцать.

– А то как же! – воскликнул Пётр. Он быстро обернулся, похватал с прежнего столика тарелки с остатками кушаний и кружку горячего крепкого чая с мёдом, переноса всё это добро за столик людей, готовых слушать не кого-нибудь, а его, Петра Сударенко. «Вот это удача, так удача, – думал Пётр, – давненько я никого не пужал и не страшал – щас я развлекуся всласть. Вот удача! А то некому рассказать... не так-то легко подсесть к незнакомым. Подсесть и завести мудрёный разговор». – Об этом все знают. – Пётр радовался, и весь сиял. Он заработал вилкой, добирая остатки еды из перенесённой тарелки, прихлёбывая чаёк – этой затяжкой Пётр добавлял веса будущим словам и разжигал интерес. – Уже год, как всё происходит. – Он жадно ел, шумно глотая. Как бы ни хотелось ему продлить свою минуту славы, он всё же спешил поскорее покончить с едой и предаться лишь одному разговору, да и бросать, чтобы остывало и сохло то, за что были отданы четыре сотенные бумажки, он не собирался – он даже не допускал такой оскорбительной и дерзкой мысли. – Многие извелись думами, – говорил он, – а кое-кто пропал... И мне так чуеться, то ли ещё будет. Он ещё натворит делов. Помяните моё слово. Помяните, да, боюсь, в неурочный час – будет поздненько вспоминать да ворочаться. Поздненько. – Мякишем булки Пётр соскрёб с тарелки последние вкусняшки. – От него не убежишь. – Он закинул в рот испачканный маслом и соусом хлебный кусочек. Пожевал. С удовлетворением проглотил. – Это я, Сударенко Пётр, говорю вам. – Сударенко многозначительно поднял палец вверх.

– Да кто? Что поздненько?

Пётр сделал пару глотков из глиняной кружки:

– Здесь лазит призрак. Призрак пропавшего человека, – сказал он и хитро прищурился, наблюдая за произведённым эффектом.

– Да ну!? – Оба слушателя одинаково сморщились, показывая недоверие, но подались вперёд от любопытства, превозмогшего гордыню.

– Точно. Спросите, у кого хотите, все знают. Это место многие стали обходить стороной. А другие наоборот, потому что это их приманивает, всё равно, что к тухлой сливе мух. Только некоторые говорят, что это вовсе не призрак, а живой ещё человек, – вкрадчиво сообщил Пётр.

– Как это «ещё»? – Михей от удивления вскинул свои пыльные брови.

– Вот так вот. Живой! – Пётр поставил на стол кружку и крепко облапил её – для дополнительного приятного сугреву: как-никак за окошком был конец ноября, и с вечернего неба лениво падали мелкие жёсткие снежинки. – И ходит-шастает туда-сюда, туда-сюда, и всякий, кто с ним столкнётся, погиб! А если целёхонек уйдёт, то уж головой повредится *непре-менно*. Так что, – он приподнял плечи, – неизвестно, что лучше.

– Ну уж, скажешь тоже. Жить – оно всегда лучше, – парировал Михей и с уверенностью выпрямился, опершись на стол.

– Жить. Ха! – Пётр возликовал. – А как жить? Если бы ещё с ума сойти – это пустяки. Ты, может, и помнишь себя не будешь, не станешь воспринимать себя – тебе и ладно. А если всё понимаешь, а ничего против того, что с тобой происходит, поделаться не можешь, а? Тогда как? Вот не хочешь посреди улицы срамоту показывать, а показываешь.

– Как это? – Михай осел телом и расслабил руки, которые он только что уверенно упёр в стол – и удерживали они его в непоколебимой величественной позе, как два толстых каната мраморную стелу перед её окончательным закреплением на городской площади.

– Это я так – для красного словца, чтобы было понятнее. Не о срамоте речь, а о муках душевных, которые приходят от мыслей мудрых, но тягостных. Правда... от мудрости происходит успокоение, внутреннее сосредоточение и смиренное созерцание всего сущего... И то хорошо, правда?

– Ну... да... – Михай глянул на официанта, принёсшего часть сделанного ими заказа.

– То-то и оно, – сказал Пётр.

Новенькие переглянулись, неуловимо дёрнули плечами, состроили рожи, мол, что-то мужичок-бодрячок, кажись, немного того. Чтобы уйти от неприятных подозрений, а заодно не провоцировать Петра откровенным, но вежливым уклонением от его философских отступлений, которые угрожали испортить им аппетит своей серьёзностью, они склонились над кушаньем, предавшись пиршеству вкуса и вместе с тем примитивному утолению голода. Этим, как им показалось, они в полной мере дали понять рассказчику, что им более не до живого разговора, и ему лучше не усердствовать – они заняты, они едят.

Они сидели возле окна, забранного решёткой из чёрной толстой арматуры – с пасмурного неба, лениво кружась, опускались снежинки, проносились машины, белело припорошённое поле и чернел далёкий жиденский лес.

– Спасибо, Ларисушка-голубушка, – сказал Михай женщине, принёсшей последнюю часть сделанного ими заказа. – Давненько я у вас не был. Ой, давненько! Не забыла, поди, Михея, а, Лариса?

– Не забыла, – ответила та уставшим голосом и вздохнула. – Как можно... Я всегда тебя помню. Ты – одно сплошное загляденье, а не мужчина.

– Эх, если бы не твой муж... ох! – Михай нацелился обхватить женщину за бёдра – затрясся, будто бы от вождения и предвкушая упоение от её форм. Но... только сделал вид – пошутил.

– Ой, Михай-Михей, как я погляжу, ты всё такой же, – отозвалась Лариса, искренне улыбнувшись и качая головой – якобы сокрушалась.

– А-ах! – выдохнул Михай вслед уходящей женщине. – Что за женщина! Аппетитная штучка-дрычка! Рррр-ам! – Та всё слышала, и в ответ вильнула задом, над которым белел цветочек из завязок ажурного фартучка.

В ресторанном зале «Кольчуги», в которой имелось с десяток комнат для ночлега проезжего люда, было тепло, пахло дымком, готовящимися шашлыками и курочками – прямо за стойкой бара помещался высоко поднятый над полом камелёк, где фырчало маринованное мясо, и там же, но в углу, был гриль, на его решётках меланхолично кружились куры, исходя обильным соком от набираемого румянца на своих боках. Камелёк был сквозной, и через него бармен часто переговаривался с человеком в белом, – судя по всему, с поваром, который был и хозяином заведения, и мужем Ларисы, и занимался приготовлением необременительных, скромных кушаний – преимущественно свежие салаты из овощей и зелени, а также простые закуски, бутерброды, бифштекс, несложные десерты с фруктами и мороженым. Пахло картошкой, фырчащей во фритюре.

Интерьер «Кольчуги» полностью соответствовал названию заведения: наружные стены были обшиты широкой доской, неравномерно марёной до смоляной черноты; внутри здания было точно такое же дерево, только светлее, с умышленно допущенными вкраплениями тёмно-коричневых пятен-разводов, что по задумке верно должно было отражать средневековый способ обработки древесины смолой, которая благополучно противостоит сырости, гниению и охочим до дерева жукам; в двух дальних углах от входа стояло по рыцарю, которые были сложены из самых настоящих доспехов, на стенах висела кольчужная амуниция, её

дополняли булавы и несколько внушительных размеров мечей с кругляшами щитов – всё это отливалось стальной серебристостью; кушанья подавались на обеденные столы в или на глиняной посуде, по краям или в центре которой было выдавлено название заведения в обрамлении веточек и разных зверушек; над головами посетителей висели две громоздкие электрические люстры, которые, маскируясь под выбранную эпоху, были выполнены из железа, якобы до черноты закопчёнными сальными огарками, а на стенах горели также электрические светильники с маленькими абажурами, исполненными таким образом, что были они словно чадающие факелы; пол устилала керамическая плитка, хорошо имитирующая серый булыжник средних размеров.

– А ты не боишься, что и тебя... того?.. – неожиданно спросил Михей, от сытной жирной еды поплывший в маслянистое благодушие, но не забывший болтовню парня.

– Чего? – не разобрал Пётр.

– Того, – присоединился к беседе Рукавников, – что он обворожит тебя и утащит к себе.

– Боюсь? Боюсь! Но я любопытный, и я часто езжу мимо, потому нет-нет да заглядываю, чтобы узнать последние новости. Да и нехорошо будет, если я отвернуть от некогда любимого столь прекрасного места. – Пётр понизил голос, просунул голову промеж двух жующих ртов. – Я, между прочим, однажды его видел. Столкнулся нос к носу, вот как с вами сейчас.

Рукавников и Ардашев некоторое время смотрели на Сударенко молча, продолжая жевать, – и тот тоже молчал, и звонко глотал слюну, будто бы, насмотревшись на них, снова захотел есть. Только он слглатывал слюну не от разыгравшегося аппетита, а от того, что она вдруг погустела, став тягучей, липкой, и произошло это от страха, от одного мимолётного воспоминания о той молчаливой сцене, когда... когда он встретился с тем, с вроде как человеком... а может, и нет, не человеком – бог его знает!

– И что же? Ничего с тобой не сделалось? – Спросил Михей Ардашев, поедая Петра внимательными глазами, блестящими от удовольствия, которое причиняли ему картошка фри, половина курицы гриль и свежий овощной салат. – А говоришь!.. Только пугаешь. Значит, и не стоит бояться. Всё это выдумки и страшилки.

– Не... – Пётр сглотнул. – Не скажи. Всё есть правда. С-ущая правда. Я даже вспотел, как вспомнил, фу... – Он подальше отодвинул стул, отвалился на его высокую спинку, расправил ноги, расстегнул три верхних пуговицы толстой байковой рубахи.

– Ну и как же всё вышло? – спросил Николай Сергеевич и вилочкой отправил в рот аккуратно отрезанный кусочек ароматной спелой клубнички, которая украшала только что принесённый шоколадно-сливочный десерт.

Оставаясь в занятой позе и на порядочном удалении от двух слушателей, Пётр отвечал:

– А вот как. Случилось это почти год назад. Всё тогда только-только начиналось, и больше было слухов, пересудов, домыслов да неверия. Говорили о пропавшем заезжем человеке. Говорили охотно и много. Больше склонялись к тому, что его кто-то убил. В наши дни всё объясняется просто, да и делается. Всё просто. Всякого я наслушался, и всё же не верил, что этот человек, пускай и убитый, ходит теперь призраком да ещё утягивает в потусторонний мир других людей. А потом, в сумраке, выйдя на воздух, в холод зимы, я столкнулся с тихим мужчиной в светло-бежевой курточке и в широких штанах такого же цвета. Я тогда не знал, как выглядел пропавший, а потому, не сразу сообразив, не испугался. Он шёл, не замечая меня, прямо на меня с застывшим лицом, и казалось, как будто был он чуток размыт, смазан, как плохо сделанная фотография – неправильно выдержан фокус, понимаете?.. И от этого я насторожился. Правда, уже темно было, и я подумал, что потому и создаётся такой странный эффект. Да к тому же, сознаюсь, был я немного подшофе... но всё же я заметил вовремя, что прёт он прямо на меня – прёт и не помышляет делать в сторону ни одного малого шажочка, чтобы, значит, обойтись нам удачно. И я отошёл – пропустил его. А он... остановился! Всего на какую-то секунду, но этого было достаточно, чтобы меня прошиб озноб. В ту же самую одну-един-

ственную секунду я допустил возможность всего, что слышал о пропавшем человеке, и теперь блуждающем... что, быть может, меня спасло, потому что я не стал с ним заигрывать – выдержал я наше противостояние, молча, не шевелясь, выдержал... Постоял он возле меня, поколебался – решая, по-видимому, что ему делать, – меня же озноб так и прошибает, так и обдаёт внутренним жаром. Не на шутку я испугался! Но он тронулся, и пошёл нужной ему дорогой, повернув за угол. Куда он направился, я не выяснял – не осмелился. Я предпочёл уйти оттуда не только как можно скорее, но и как можно дальше. Сел я пьяным за руль и кое-как добрался до своего села, где и проспался. А ранним утром поехал в Ярославль за товаром.

– Ну и что же? – удивился Михей. – С чего ты взял, что это был именно призрак, да ещё именно того, пропавшего человека?

– Да, – согласился Николай Сергеевич.

И оба выжидающе уставились на Петра.

– Почему? Да очень просто, господа мои дорогие и хорошие! Несколько дней я проезжал «Кольчугу» даже не глядя в её сторону. Где-то через пяток дней моё вечернее приключение стало подзабываться. На седьмой денёк, в субботу, я отважился, и снова подкатил сюда – всё, как обычно: вошёл, поздоровался, сделал скромный заказ. Сижу, слушая, кто что говорит. Чувствую себя не в своей тарелке, но креплюсь – сижу, жую. И тут сверху, из жилых комнат спускается постоялец, и ни какой-нибудь, а следователь из Москвы. Оказалось, что он занимается розыском одного пропавшего, и опрашивает всех, кто в то время мог здесь быть и видеть этого человека. Пропавшего то есть. Подошёл он и ко мне и протянул фото, мол, не видел ли я где-нибудь раньше этого мужчину? Волосы у меня на голове прям так сразу и зашевелились. Верно, я побледнел и, может, глаза выпучил, вспотел холодным потом, потому что следователь тут же присел напротив и говорит: «Говорите, я очень внимательно Вас слушаю! Ничего не бойтесь, если что, всё останется между нами». И что я должен был сказать? Вы представляете это? То, что я неделю назад столкнулся с этим человеком у стен «Кольчуги»?!! Но... мне вдруг подумалось, что может быть и такое, что тот человек совсем необязательно должен быть мёртвым – он просто-напросто пропал. Ведь так? Кто сказал, что он мёртв? Ищут его как пропавшего. Его машину нашли на стоянке «Кольчуги» – вот и шарят-лазят именно здесь. Так? Может, я его живого видел? Почему – призрак, почему – труп? Кто такое сказал? Решив так, я всё рассказал следователю. Вот так вот. Только я зря это сделал, потому что следователь занёс мои показания в свои бумаги, – а человека того до сих пор никто не нашёл... ни живым, ни мёртвым... Видеть его, после меня, видели многие, да только никто не поймал и не задержал его, а вот народу пропало с тех пор много... и ещё больше головой, умом тронулось. Правда, может быть и такое, что именно этот первый пропавший который, – его, между прочим, звали Русланом Леопольдовичем Покрутой-Половцевым – такая вот чудная двойная фамилия, – осел он, значит, задержался в наших краях и заделался матёрым серийным убийцей! Может такое быть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.